

© 2013 г.

Т. В. Кудрявцева

ПРОЦЕССЫ В СВЯЗИ СО СДАЧЕЙ ОТЧЕТА В АФИНАХ V в. до н.э. И «ДЕЛО ПАХЕТА»

В статье отмечаются особенности афинских судебных процессов в связи со сдачей отчета должностным лицом (этины) в V в. до н.э. Подробно обсуждается «дело Пахета» (427 г. до н.э.). Анализируются действия Пахета во время его командования; разбираются различные версии о причинах подачи жалобы против афинского стратега и возможные обвинения против него; предлагается объяснение трагической развязки процесса Пахета (самоубийство обвиняемого во время суда). Делается предположение о влиянии театра и трагедии Софокла на выбранный Пахетом способ самоубийства.

Ключевые слова: Афины, отчеты должностных лиц, этины, судебные процессы, Пелопоннесская война, стратег, Пахет, самоубийство, Фукидид, театр, Аякс.

Дела, связанные со сдачей должностными лицами полиса отчетов, разбирались в классических Афинах в народном суде – в дикастериях гелиэи. По всей вероятности, в древности это делал Ареопаг, и – предположительно – в результате реформы Эфиальта соответствующие функции были переданы Совету и гелиэе¹. Очевидно, тогда же была выработана (или модифицирована) определенная процедура заслушивания отчетов и – в случае надобности – последующего судебного процесса. Не исключено, что в конце V в. до н.э. (403/402 г. до н.э.) в данную процедуру были внесены некоторые изменения в связи с ревизией афинских законов². Во всяком случае, в «Афинской политике» Аристотеля система отчетов (εἴθυναί) предстает перед нами в том законченном виде, который она приобрела в IV в. до н.э.; вероятно, ее можно экстраполировать и на вторую половину V в. до н.э.

Итоговый отчет, включая его финансовую часть, должностные лица сдавали в два этапа. Десять логистов (из числа членов Совета) вместе с помощниками-сине-

---

Кудрявцева Татьяна Владимировна – доктор исторических наук, заведующая кафедрой всеобщей истории Санкт-Петербургского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

¹ См., например: Bonner, Smith 1930, 268; Hignett 1962, 203–205; Sealey 1964, 18–20; Carawan 1987, 189–190; Wallace 1989, 83–87; Bleicken 1991, 43–44; Martin 1995, 198–199; Суриков 1995, 30–32; Кудрявцева 2008, 43–44, 335.

² Ostwald 1986, 57.

горами сначала принимали финансовый отчет. Если логисты находили основание для обвинения в преступном умысле либо халатности или кто-либо из частных лиц подавал иск, – дело передавалось в гелиэю, а в качестве общественных обвинителей выступали синегоры (Arist. Ath. pol. 54. 2; там же – подробное описание возможного наказания). Окончательное утверждение отчетов происходило в суде (гелиэе), даже если у логистов не было замечаний; туда же должны были являться и ὑπεϑύνοι – отчитывающиеся магистраты (Dem. XVIII. 250; XIX. 211).

После сдачи отчета логистам следовал второй (заключительный) этап εϑύναи – перед десятью эвтинами (εϑύνοι, по одному от каждой филы) и их помощниками паредрами (и те, и другие – члены Совета, выбираемые по жребию). В течение трех дней им можно было подать письменную жалобу на должностное лицо, потребовав у того нового отчета (Arist. Ath. pol. 48. 4). Частные дела (τὰ μὲν ἴδια) эвтин передавал на разбирательство судьям по демам, а дела государственного значения (τὰ δὲ δημόσια) в дальнейшем рассматривались в народном суде, чье решение и было окончательным (Arist. Ath. pol. 48. 5).

Нам известно всего около 15 судебных процессов по эвтинам – цифра более чем скромная, имея в виду частоту и интенсивность отчетов многочисленных должностных лиц афинского полиса на протяжении двух веков, даже с учетом того, что до нас дошла информация лишь о малом количестве дел, разбираемых гелиэей. Разрешить данное недоумение можно представив себе, насколько уязвимы были должностные лица во время сдачи своего отчета (Dem. XVIII. 249–250; XXV. 37). Их нередко шантажировали сикофанты, заставляя откупаться от возможного преследования, – об этом свидетельствуют и насмешки комедиографов, и сетования ораторов³. Среди профессиональных ябед были такие, чьей специализацией являлось вымогательство у сдававших отчет, – как Филократ, упоминаемый Антифонтом (VI. 43), или небезызвестный Аристокитон, нападавший на Демосфена (Dem. XXV. 37). Если поверить в истинность ядовитых замечаний Эсхина в адрес Тимарха, шантажом должностных лиц не брезговали и логисты: во всяком случае, такое обвинение не должно было казаться абсурдным аудитории, перед которой оратор клеймил своего противника. Изобличая Тимарха в злоупотреблении служебным положением, Эсхин уверяет, что тот, будучи логистом, брал взятки «от действовавших неподобающим образом при исполнении должности; в особенности же он сикофантствовал в отношении сдающих отчет, ни в чем дурном не замешанных» (μάλιστα δ' ἐσυκοφάντησε τῶν ὑπεϑύνων τοὺς μὴδὲν ἠδίκηκότας – Aeschin. I. 107).

Самые первые процессы против отчитывающихся афинских должностных лиц, о которых сообщают наши источники, относятся еще к первой половине V в. до н.э., но они скорее вызывают вопросы, чем дают определенные ответы. Плутарх рассказывает о том, как Фемистокл напал на Аристида во время сдачи последним отчета. Будто бы Фемистокл в отместку Аристиду, уличившему нечистого на руку политика в хищениях, «собрав многих недовольных Аристидом, обвинил его, когда тот представил свой отчет, в краже (ἐν ταῖς εϑύναις διώκων κλοπῆς καταδίκη περιέβαλεν) и, как сообщает Идомоней, выиграл дело. Но первые и лучшие из афинян возмутились, и Аристид был освобожден от наказания и даже вновь назначен на прежнюю должность» (Plut. Arist. 4. 3; пер. С.П. Маркиша). Впрочем, ни связь обвинения именно с исполнением Аристидом должности стратега, ни примерная

³ Aristoph. Acharn. 936–939; Equit. 269–260, 824–826; Vesp. 101–102; Dem. XVIII. 249; XXV. 50.

дата процесса из рассказа херонейского историка не ясны; да и сама достоверность данного сюжета⁴ вызывает большие сомнения.

Стратеги находились под особенно пристальным вниманием демоса, поэтому в дальнейшем именно они зачастую становились жертвами обвинений в связи с эвтинами. По уверению автора «Афинской политики», Кимон, будучи стратегом, был обвинен при сдаче отчета (*Arist. Ath. pol.* 27. 1); одним из обвинителей был начинающий свою политическую карьеру Перикл (*κατηγόρησε τὰς εὐθύνας Κίμωνος στρατηγούντος νέος ὢν* – *Arist. Ath. pol.* 27. 1; ср. *Plut. Per.* 10. 5; *Cim.* 14, 5)⁵. Однако, по мнению некоторых исследователей, данный процесс был инициирован апохиротонией – голосованием по отстранению стратега от должности, что больше похоже на обвинение в государственном преступлении, т.е. исангелию⁶. Наши источники часто небрежны в отношении правовых тонкостей и юридических коллизий, формулировок исков и т.п. или вовсе их игнорируют. Отсюда – и непрекращающаяся дискуссия в историографии по вопросу о соотношении между апохиротонией и исангелией⁷, и трудности с классификацией дела Кимона и других аналогичных процессов⁸. О том, что исангелия воспринималась как более грозная для ответчика альтернатива эвтинам, свидетельствует Демосфен: оратор сокрушается, что по причине благодушия и мягкости сограждан Эсхин только дает отчет (*εὐθύνας δίδωσι*), тогда как он давно мог бы быть привлечен к суду по исангелии (*ἐν εἰσαγγελίᾳ πάλαι ἂν ἦν* – *Dem.* XIX. 103).

Несколько процессов по эвтинам произошли в годы Пелопоннесской войны, во время которой афинские стратеги нередко подвергались судебным преследованиям, прежде всего, по исангелиям. Формион, афинский флотоводец, выигравший в 429 г. битву при Навпакте (*Thuc.* II. 83–92), имел некие неприятности при сдаче отчета. Андротион сообщает (*FGrHist.* 324 F 8), что он работал в поле (*ἐν ἀγρῷ διέτριβεν*), после того как был подвергнут атимии (428 г.?), ибо не смог выплатить 100 мин штрафа по обвинительному приговору в связи со сдачей отчета. Поскольку ахарняне требовали именно Формиона в качестве военачальника, демос освободил опального полководца от штрафа и соответственно атимии (*FGrHist.* 324 F 8).

Рассмотрим более подробно одно из самых интересных и загадочных дел в связи со сдачей отчета – дело афинского стратега Пахета.

Об этой истории рассказывает, точнее упоминает, Плутарх в биографиях Аристида и Никия; в жизнеописании Никия – в контексте горестных сетований:

---

⁴ Следует учитывать и репутацию Идоменея, философа из Лампсака (IV–III вв. до н.э.), приводившего в своем сочинении «Об афинских демагогах» всяческие небывлицы об афинских политических деятелях, вроде убийства Периклом Эфиальта и т.п. (*FGrHist.* 338. F1–F15).

⁵ Процесс имел место в 463/462 г.

⁶ Предположение об исангелии разделяют: Lipsius 1966, 294; Bonner, Smith 1938, 26–27; Hansen 1975, 71.

⁷ Из источников не всегда понятно, что предшествовало: голосование по отстранению от должности или предъявление обвинения в виде исангелии. О различных мнениях исследователей – см. Кудрявцева 2008, 338–339. Заметим, что процедура могла меняться, уточняться, а практика – институализироваться.

⁸ По меньшей мере, два процесса, которые М. Хансен помещает в свой каталог исангелий (1975, 45–46, 101–102), могли быть эвтинами: процесс Анита (409 г.), известный массовым подкупом судей (*Arist. Ath. pol.* 27. 5; *Diod.* XIII. 64. 6) – поздний лексикограф описывает его именно как процесс в связи со сдачей отчета (*Lex. Seg.* 236. 6); а также обвинение Аристофонтом Азенийским стратега Менесфея в 356/355 г. в неправомерном расходовании средств (*Isocr.* XV. 129).

народ с удовольствием использует опытных и умных людей, но относится к ним с подозрением и страхом и стремится унизить их славу и гордость, «что проявилось в осуждении Перикла, в изгнании остракизмом Дамона, в недоверии многих к Антифону из Рамнунта, и особенно на примере Пахета, который после взятия Лесбоса, сдавая отчет о своей стратегии (εὐθύνας δίδους τῆς στρατηγίας), тут же, в самом дикастерии, выхватил меч и убил себя (ἐν αὐτῷ τῷ δικαστηρίῳ στασάμενος ξίφος ἀνείλεν ἑαυτόν)» (Plut. Nic. 6. 12). В биографии Аристида Пахет предстает в окружении иных (за исключением Перикла) жертв неблагодарности демоса: «Все прочие авторы, которые писали о несправедливостях, допущенных народом по отношению к полководцам, и изгнание Фемистокла, и тюремное заключение Мильтиада, и штраф Перикла, и смерть Пахета в суде – он покончил с собою прямо на судебном помосте [беме], как только был осужден (ἐν τῷ δικαστηρίῳ θάνατον, ἀνελόντος αὐτὸν ἐπὶ τοῦ βήματος ὡς ἤλίσκετο) – свели воедино и твердили [об этом] постоянно...» (Plut. Arist. 26. 3).

О том, что конкретно довело Пахета до самоубийства, т.е. в чем была суть обвинений, херонейский биограф не сообщает. Ничего не говорит о гибели Пахета и Фукидид, довольно подробно в третьей книге описавший деятельность стратега. Пахет был послан с тысячей гоплитов осенью 428 г. для блокирования восставшей Митилены на Лесбосе (Thuc. III. 18. 3). После капитуляции города (летом 427 г.) он вел переговоры с митиленянами об условиях сдачи (Thuc. III. 28. 1); он преследовал пелопонесский флот под командованием Алкида, прибывшего было на помощь восставшим, но опоздавшему (Thuc. III. 33. 2). Погоня не удалась, Алкида Пахет не настиг (Thuc. III. 33. 3), зато на обратном пути он самым что ни на есть коварным образом захватил город колофонян Нотий (Thuc. III. 34). По возвращении в Митилену стратег готов был выполнить известное решение афинского собрания о казни всех митиленян, достигших возмужалости, но тут подоспела вторая триера с указом об отмене бесчеловечного решения экклесии и казни только тех 1000 зачинщиков-аристократов, которых стратег раньше отправил в Афины (Thuc. III. 36. 3; 49. 4). Затем Пахет внезапно пропадает со страниц «Истории» Фукидида, – очевидно, что-то с ним произошло, но что именно – афинский историк умалчивает. «Умалчивания» Фукидида – то, что по каким-то причинам историк не рассказывает о неких ключевых событиях афинской жизни (вроде Каллиева мира или процессов против ближайшего окружения Перикла и т.п.), – современных исследователей давно не смущают; они восполняют досадные Фукидидовы лакуны, опираясь либо на сведения других источников, либо на свой здравый смысл и воображение, высказывая разнообразные, порой противоречивые, мнения. Естественно, предлагались объяснения и истории с Пахетом.

Любопытное свидетельство о причинах суда над Пахетом есть в одном источнике, правда, довольно позднем. В стихотворении византийского поэта и историка VI в. Агафия, дошедшем в составе эпиграмм Палатинской антологии, рассказывается, что во время подавления восстания на Лесбосе, когда «Пахет опустошал митиленскую землю», он воспылил преступной страстью к двум митиленянкам – Элланис и Ламаксис, «убил их мужей и взял их силой» (Anth. Palat. VII. 614. 4–6)⁹. Женщины отправляются в Афины, «сообщают народу о деяниях нечестивого Пахета – пока не довели его до страшной гибели (δάμψ δ' ἀγγελέτην ἀλιτήμονος ἔργα Πάχητος, μέσφα μιν εἰς ὄλοην κῆρα συνηλασάτην)» (Anth. Palat. VII. 614. 8–10). В завершении поэт возносит хвалу героиням, «отомстившим за несчастья родины

⁹ Dübner 1879, 392.

и своих мужей» (Anth. Palat. VII. 614. 16). Сюжет хорош: преступление на почве страсти привело злодея, надругавшегося над Митиленой и митиленианками, к заслуженной каре. Джордж Грот, мастерски развив его и соединив замечание Плутарха с эпиграммой, а нечестивую страсть – с судебными страстями, предположил, что именно жертвы Пахета подали на стратега жалобу при сдаче отчета, вызвав сочувствие слушавших это дело дикастов и возбудив их гнев по отношению к насильнику. Пахет, терзаясь «невыносимыми угрызениями и унижением» (*insupportable remorse and humiliation*), бросается на меч. Английский историк даже предположил, что в Митиленах Элланис и Ламаксис был воздвигнут памятник, который мог видеть Агафий¹⁰.

Однако Агафий и Дж. Грот убедили не всех. Указывали и на то, что разнuzданное поведение победителей в захваченном городе, – увы, скорее норма (афиняне, разгневанные на митилениан за мятеж, едва ли стали бы мстить за поруганную честь жительниц этого города и т.п.¹¹), и на то, что процесс Пахета имеет под собой скорее политическую, чем романтическую подоплеку¹². По нашему мнению, даже если история, поведанная Агафием, правдива, и благородные митиленианские матроны действительно отправились в Афины искать правды и возмездия, едва ли их визит имел прямые юридические последствия.

Г. Бузольт, а вслед за ним и Т. Леншау полагали, что Пахет превысил свои полномочия стратега, решая дела по своему усмотрению, за что и поплатился – предположительно по инициативе «партии Клеона»¹³. Но действия Пахета в качестве стратега как раз скрупулезно описал Фукидид, и найти в них «состав преступления» не представляется возможным. Пахет был крайне осторожен и предусмотрителен, – возможно, памятуя о процессах Формиона и процессе стратегов Ксенофонта, Гестиодора и Фаномаха, заключивших договор о сдаче Потидеи (Потидея сдалась зимой 429 г.). Тогда, по словам Фукидида, «афиняне предъявили обвинение стратегам за то, что они заключили договор без их ведома; они полагали, что город должен был сдаться на таких условиях, какие будут угодны афинянам» (Thuc. II. 70. 4)¹⁴. Пахет же договорился лишь о предварительных условиях сдачи Митилены и ждал известий из Афин об окончательном решении судьбы города афинской экклесией¹⁵: «Афиняне могут принять относительно митилениан решение, какое им будет угодно; митилениане допускают афинское войско в город, а сами отправят посольство в Афины насчет своей судьбы; до возвращения посольства Пахет не вправе ни заключать в темницу кого-либо из митилениан, ни обращать в рабство, ни предавать смерти» (Thuc. III. 28. 1).

Д. Кэген, причисливший Пахета к «умеренным» (*moderates*), предположил, что «агрессивные силы в Афинах были недовольны ведением войны» и сдержанная политика стратега по отношению к восставшей Митилене могла вызвать нареkania со стороны радикальной группировки Клеона, хотя Пахет, в свою очередь, мог дать недругам «некие основания для обвинения»¹⁶. В данной трактовке слишком много предположений, каждое из которых можно поставить под сомнение.

¹⁰ Grote 1907, 178–179. С мнением Дж. Грота о том, что обвинение Пахета было инициировано жалобой митиленианок, согласился А. Гомм (1956, 332).

¹¹ Busolt 1904, 1034; Westlake 1975, 109.

¹² Beloch 1884, 33.

¹³ Busolt 1904, 1034; Lenschau 1942, 2068.

¹⁴ Здесь и далее цитаты из Фукидида даны в переводах Ф.Г. Мищенко и С.А. Жебелёва.

¹⁵ На это обращали внимание: Meiggs 1972, 313; Westlake 1975, 110.

¹⁶ Kagan 1974, 168.

Еще одну версию о подоплеке процесса Пахета выдвинул П. Клоше: обвинения против стратега были связаны с насилием, учиненным им в Нотии¹⁷. Побежденная и изгнанная из этого города колофонян антиперсидская партия обратилась за помощью к Пахету; тот пригласил к себе для переговоров Гиппия, начальника гарнизона. Гарнизон размещался в укреплении, состоял из наемников («аркадян и варваров») и поддерживал проперсидскую партию. Пахет обещал отпустить командира наемников целым и невредимым, однако захватил его. Затем он внезапно атаковал укрепление и взял его, ибо находившиеся там воины не ожидали нападения, после чего перебил всех аркадян и варваров, которые там были; Гиппий также был убит (Thuc. III. 34. 2–3). Город Пахет вернул колофонянам, за исключением сторонников Персии; спустя некоторое время афиняне, выслав ойкистов, обустроили Нотий в соответствии со своими законами (Thuc. III. 4). Фукидид, повествуя об этих событиях, не дает какой-либо нравственной оценки поведению Пахета, но создается впечатление, что коварство афинского стратега историку не по душе. С другой стороны, можно найти множество примеров, когда афиняне карали своих военачальников за поражение, неуспех, невыполнение задания. В данном же случае, хотя и недостойным способом, Пахет добился выгодного в той конкретной политической ситуации для Афин результата, и едва ли афиняне, измученные чумой и обескураженные мятежом союзников, склонны были проявлять излишнюю щепетильность в средствах для достижения цели¹⁸.

Самая вероятная причина претензий к Пахету, по мнению Г. Вестлэйка, к которому мы присоединяемся, связана с неудачей, постигшей стратега при преследовании пелопонесского флота¹⁹. Пахет погнался за Алкидом, преследовал его до Патмоса, но так и не настиг (Thuc. III. 33. 3). Отчаявшись, он вернулся в Митилену, захватив по пути Нотий. Усилить досаду афинян на Пахета могли также следующие обстоятельства. Спартанцы с союзным флотом впервые с начала войны маневрировали у берегов Ионии. Фукидид подчеркивает, что «афинянами овладела сильная тревога (μῆα τὸ δῆος ἐγένετο), как бы пелопоннесцы, крейсируя вдоль берегов Ионии, не стали нападать и разорять ее города» (Thuc. III. 33. 2). Фукидид дает понять, что Алкид – не самый решительный и умелый наварх²⁰: он потерял много времени, отправляясь на выручку Митилене (Thuc. III. 29. 1), отвергнул предложение элейца Тевтиапла заставить афинян врасплох и попытаться отбить Митилену (Thuc. III. 30), а также проигнорировал предложения некоторых беглецов-лесбосцев и других ионян захватить какой-либо ионийский город и попытаться поднять Ионию против афинян (Thuc. III. 31. 1). «Однако Алкид не внял этим советам и, опоздав к Митилене, склонялся более всего к тому, чтобы как можно скорее возвратиться к Пелопоннесу» (Thuc. III. 31. 2).

Следуя вдоль берега и пристав к Мионнесу, спартанский военачальник довольно недальновидно распорядился казнить ионийских пленников, захваченных по пути (Thuc. III. 32. 1). Его «просветили» самосские послы, объяснившие наварху, что если спартанцы позиционируют себя как освободители Эллады, нехорошо губить тех, кто не поднимал против них оружие, хотя и состоит по необходимости в союзе с афинянами (Thuc. III. 32. 2). Сочтя эти доводы разумными, Алкид освободил тех ионийских пленников, которых еще не успели умертвить, в основном хиосцев

¹⁷ Cloché 1925, 103.

¹⁸ Westlake 1975, 111.

¹⁹ Westlake 1975, 111–112; с данным мнением согласна: Roberts 1982, 138.

²⁰ См. анализ: Wilson 1981, 159–161.

(Thuc. III. 32. 3). Увиливая от преследующих афинян, Алкид, тем не менее, демонстративно плыл вдоль берега Ионии (Thuc. III. 33. 2–3), что было красноречивым приглашением ионийцев к отложению или восстанию против афинян – никто, правда, им не воспользовался, может быть, памятуя о судьбе митиленян, а может, сыграла роль расправа, учиненная Алкидом над ионийскими пленниками. О вреде, причиненном историей с Алкидом афинской талассократии, свидетельствует интересная ремарка Фукидида в связи с рейдом спартанского наварха: «При виде его [Алкида] кораблей они [жители Ионии] не убежали: напротив, они подходили к ним ближе в уверенности, что это афинские корабли, так как никоим образом не ожидали, чтобы пелопоннесские суда могли пройти до Ионии, когда власть над морем была в руках афинян» (Thuc. III. 32. 3). Прояви Пахет расторопность против не самого отважного и дальновидного врага, и Алкид был бы примерно наказан за свое дерзкое поведение. За то, что его оплошность или невезение могли подорвать доверие к архэ и веру в силу афинян на море, и поплатился афинский стратег.

Обращает на себя внимание еще одно замечание Фукидида: «Не догнав кораблей в открытом море, Пахет считал удачей (*κέρδος δὲ ἐνόμισεν*) и то, что не будучи нигде достигнуты, неприятельские корабли не были вынуждены устраивать себе стоянку, что обязывало бы афинян сторожить и блокировать их» (III. 33. 3). Неспешность Пахета здесь фактически толкуется как выигрыш для афинян, причем Фукидид решительно и без оговорок приписывает данное соображение именно стратегу – это позволяет предположить, что сам Пахет пытался таким образом объяснить и оправдать свое поведение в суде, а Фукидид либо лично слышал его защиту, либо знал ее доводы²¹. Если следовать данной логике, то приведенный выше рассказ Фукидида об ионийцах, принимавших спартанские корабли за афинские, ибо они не верили, что пелопоннесский флот может свободно курсировать вдоль берегов Ионии (III. 32. 3), мог воспроизводить высказывания тех, кто обвинял стратега.

Итак, неудача Пахета в преследовании врага, те неприятные эмоции, которые афиняне пережили при известии о провокационном и фактически безнаказанном плавании флота Алкида вдоль берегов Ионии, тот ущерб, который был нанесен благодаря этому афинскому авторитету в глазах союзников, – все это вполне могло стать причиной обвинения Пахета при сдаче им отчета о выполнении обязанностей стратега.

Дело Пахета, на наш взгляд, – еще одно подтверждение той особенности функционирования афинской демократии, на которую мы обращали внимание ранее²²: демос, осуществляя свою власть и требуя подотчетности от всех должностных лиц, был немилосерден к своим лидерам, если они допускали промах или удача отворачивалась от них. Военный или внешнеполитический провал немедленно наказывался судебным обвинением, нередко – в измене. Прямая демократия приводила к парадоксальной ситуации: демос не нес ответственности за собственные ошибки, но не прощал чужие, не терпел разочарований, был крайне требователен к своим военачальникам и охотно искал среди них «козла отпущения».

Что же касается драматичной развязки «дела Пахета» – самоубийства стратега прямо на судебной беме, то некоторые современные исследователи этот

---

²¹ Это предположение высказал Westlake 1975, 111–112. Английский историк также замечает, что Фукидид достаточно редко пишет о чувствах или мотивах своих героев в связи с конкретными событиями, – видимо, только в тех случаях, когда располагает надежной информацией из авторитетных источников.

²² Кудрявцева 2008, 322–327.

финал оспаривают²³. Г. Вестлэйк в качестве источника, сбившего поздних авторов с толку, указывает на некую не дошедшую до нас комедию. В ней, якобы, речь шла об эвтинах Пахета и как комическое преувеличение фигурировала шутка о том, что обвинители так мутузили стратега, что довели до самоубийства; спустя какое-то время подлинный исход процесса позабылся, и шутку стали принимать всерьез²⁴. Однако скептицизм, выражаемый вышеупомянутыми исследователями, представляется чрезмерным, особенно учитывая то, что Плутарх обнаружил историю о самоубийстве в нескольких источниках (οἱ δ' ἄλλοι πάντες – Plut. Arist. 26. 3). Скептики ссылаются, в числе прочего, на молчание Диодора²⁵, однако Диодор ничего не говорит о куда как более известных случаях «неблагодарности» демо-са, – например, об остракизме Кимона.

Аргумент против скептического отношения к самоубийству Пахета можно подчеркнуть в той самой древней комедии, на которую Г. Вестлэйк возложил главную вину за мистификацию, – любопытно, что сам он конкретно тот эпизод, о котором пойдет речь, не упоминает. В аристофановских «Осах», в развязке пародийного «собачьего процесса» Филоклеон заявляет Бделиклеону: «дайте мне меч – если я уступлю тебе в споре, брошусь на меч» (Aristoph. Vesp. 523 – καὶ ξίφος γὰρ μοι δότε. ἢν γὰρ ἡττηθῶ λέγων σου, περιτεσοῦμαι τῷ ξίφει). Мы согласны с английским филологом А. Sommersteinом, анализирующим этот пассаж: поведение Филоклеона – пародия на то, что случилось в суде с Пахетом²⁶. Заметим, что в упоминании самоубийства Пахета у Плутарха в биографии Никия также фигурирует ξίφος (Plut. Nic. 6. 1–2). Очевидно, что пронести меч в дикастерий, спрятав в складках одежды, было бы весьма затруднительно, – скорее всего орудием самоубийства стратега был более короткий клинок, укороченный меч наподобие кинжала – ξιφίδιον. Возможно, появление в тексте Аристофана «меча» объясняется тем, что комедиограф обыграл здесь не только реальную историю с Пахетом, но и ключевой эпизод из трагедии Софокла «Аякс» – Аякса, бросающегося на меч²⁷. Меч-ξίφος в предсмертном монологе Аякса играет важную роль: «дар Гектора – врага, не побрати-ма», он «крепко врыт во вражью землю Трои, прожорливым отточенный брусом» (Soph. Aj. 836–839 – пер. здесь и далее С.В. Шервинского), герой готов окропить его своей кровью (περὶ νεοράντῳ ξίφει – Soph. Aj. 847). Тевкр, сокрушаясь об Аяксе, наделяет орудие самоубийства брата роковой силой и смыслом: «Гектор тебя убил, хоть мертвый сам... Как поясом, что подарил Аянт, / Прикручен к вражьей колеснице, Гектор / Влачился окровавленный, доколь / Не отдал душу, – так Аянт на меч, / Дар Гектора, повергся и погиб. / Меч этот – не Эриния ль ковала?» (Soph. Aj. 1055–1056, 1058–1063).

Таким образом, древняя комедия в лице Аристофана, возможно, поучаствовала в презентации истории Пахета в поздней традиции, – но не измыслив самоубийство, как полагают скептики, а снабдив его трагическим реквизитом. Из сопоставления текстов Аристофана, Софокла и Плутарха можно предположить: источник Плутарха (или сам херонейский биограф) либо распознал в сцене из «Ос» не только комический парафраз Софокла, но и намек на происшествие с Пахетом и поза-

²³ Генри Вестлэйк выражает сомнение (1975, 115), а Дженнифер Толберт Робертс вообще отрицает его достоверность (1982, 139–140).

²⁴ Westlake 1975, 116.

²⁵ Roberts 1982, 140.

²⁶ Sommerstein 1977, 265.

²⁷ На сходство двух самоубийств – Софоклова Аякса и Пахета – обратил мое внимание И.Е. Суриков, за что я ему весьма признательна.

имствовал детали, либо вдохновлялся непосредственно текстом великого трагедографа, выводя на подмостки гелизы афинского стратега. Результатом, в любом случае, стали словесная аберрация и появление в качестве орудия самоубийства Пахета «меча».

Повлиял ли на самого Пахета пример трагического героя Софокла? Вполне возможно. По общепринятому мнению, «Аякс» наряду с «Антигоной» – раннее произведение Софокла, может быть, даже самое раннее; точное время постановки неизвестно – примерно между 450 и 430 годами до н.э., вероятнее всего, вторая половина 440-х годов²⁸. Очевидно, и Пахет до своего самоубийства, и Аристофан до написания «Ос» (пьеса была поставлена в 422 г.) были знакомы с пьесой Софокла. Сцена самоубийства Аякса в трагедии Софокла не могла не впечатлить афинян. Смерть персонажей греческой трагедии обычно происходит за сценой, о чем доставляется весть и предьявляется уже бездыханное тело. Софокл же усилил переживание зрителями гибели Аякса: они вместе с героем проживают последние секунды его жизни – «на пустынном берегу моря» перед роковым броском на меч²⁹. Следует иметь в виду, что Аякс – не просто гомеровский персонаж или герой одноименной трагедии Софокла; его место – среди наиболее почитаемых в Афинах древних героев, он эпоним одной из клисфеновских фил, символ Саламина, олицетворение доблести и одновременно пример незаслуженного страдания, «последний герой». Аякс пал жертвой людской зависти, злобы и клеветы, не вынес позора – его чувства и переживания вполне мог примерить на себя и афинский стратег.

Интересно, что в классической литературе Аякс стал едва ли не примером доблестного героя, не искушенного в сутяжничестве и угодившего в тенета судебного процесса³⁰. Так, Пиндар скорбит о печальной участи неумелого в речах, но полного отваги Аякса (ἄγλωσσον μὲν, ἦτορ δ' ἄλκιμον – Pind. Nem. VIII. 24): данайцы тайным голосованием услужили Одиссею (γὰρ ἐν ψάφοις Ὀδυσσῆ Δαναοὶ θεράπευσαν – Pind. Nem. VIII. 26), лишив Аякса его золотых доспехов. Данайцы здесь голосуют теми самыми «камешками» (ψάφοις), которыми пользовались судьи, вынося приговор. На приговор, угодный большинству судей, с которым не хотели смириться побежденные Аякс и саламинцы, ссылается в трагедии Софокла Агамемнон (κοῦκ ἀρκέσει ποθ' ὑμῖν οὐδ' ἦσσημένοις / εἴκειν ἅ τοῖς πολλοῖσιν ἦρεσκεν κριταῖς – Soph. Aj. 1242–1243³¹). У Платона в «Апологии Сократа» Аякс фигурирует вместе с Паламедом и «еще с кем-нибудь из древних, кто умер жертвою несправедного суда (διὰ κρίσιν ἄδικον τέθηκεν)» (41b – пер. М.С. Соловьева).

Но что все же побудило броситься на меч Пахета? Стратег имел все основания ждать обвинительного вердикта судей за проявленную нерасторопность, за то, что не смог помешать ионийскому рейду Алкида. Он мог терзаться не только страхом перед обвинением, но и стыдом – как софокловский Аякс. Решение о самоубийстве, возможно, было обусловлено сочетанием личностных особенностей Пахета,

²⁸ См., например: Kitto 1939, 120 (около 450 г.); Easterling 2008, 296 (вторая половина 440-х годов).

²⁹ Относительно того, видели ли зрители непосредственно «самоубийство Аякса» и каким образом оно вообще могло быть представлено на подмостках, есть разные мнения. См. обсуждение и одно из предложений: Gardiner 1979, 10–14.

³⁰ Кнох 1961, 23.

³¹ Ссылка дана по изданию: Sophocles. The Ajax of Sophocles / R Jebb (ed.). Cambr., 1893. В русском издании (Софокл. Трагедии / Пер. с древнегреч. С.В. Шервинского. М., 1958) – ст. 1279–1280.

психологическим переживанием ситуации, определенной обстановкой. Способствовать трагической развязке могли следующие обстоятельства: шла напряженная война; происходил процесс после изматывающей кампании, в ходе которой стратег нес тяжкое бремя ответственности, при этом необходимо было постоянно оглядываться на изменчивый в своих настроениях демос; только-только закончилась эпидемия чумы, унесшая, возможно, близких Пахета. Выбор же способа самоубийства, разработка мизансцены ухода из жизни, вероятно, имели источником греческую драму³².

Не стоит сбрасывать со счетов все проникающее влияние театра в Афинах, театрализацию общественной жизни, затронувшую и судебные подмошки. Афинский театр был театром в подлинном, полном и совершенном смысле данного понятия, когда стираются границы между сценическим пространством и зрителями. Сценическими площадками в классических Афинах время от времени становились и залы дикастериев: то, что там происходило, по накалу страстей, умению затронуть чувствительные струны зрительской аудитории, заученным движениям и позам, так сказать, «протагониста» и «хора» не уступало «настоящим» театральным подмошкам. В историографии не раз афинские судебные заседания сравнивались с театральным агонем (состязанием) и самой драмой³³. В судах случались «мыльные оперы»³⁴, разыгрывались и комические, и мелодраматические, а порой и трагические сценарии³⁵. Вдохновленный Софокловым «Аяксом» Пахет выбрал себе роль трагического героя – и стал одной из самых известных жертв афинского народного суда.

Литература

1. Кудрявцева Т.В. 2008: Народный суд в демократических Афинах. СПб.
2. Кудрявцева Т.В. 2009: Драматические сценарии в афинском народном суде: *litigantes agunt histriones* // Мнемон. 8, 55–64.
3. Суриков И.Е. 1995: Афинский ареопаг в первой половине V в. до н.э. // ВДИ. 1, 23–40.
4. Ajoatian A. 2005: The Civic Art of Pity // Pity and Rower in Ancient Athens / R.H. Sternberg (ed.). Camb., 223–252.
5. Beloch K.J. 1884: Die Attische Politik seit Perikles. Lpz.
6. Bleicken J. 1991: Die athenische Demokratie. Paderborn.
7. Bonner R.J., Smith G. 1930: The Administration of Justice from Homer to Aristotle. I. Chicago.
8. Bonner R.J., Smith G. 1938: The Administration of Justice from Homer to Aristotle. II. Chicago.
9. Busolt G. 1904: Griechische Geschichte bis zur Schlacht bei Chaeroneia. III, 2: Der peloponnesische Krieg. Gotha.
10. Carawan E.M. 1987: Eisangelia and Euthyna: The Trials of Miltiades, Themistocles and Cimon // Greek, Roman and Byzantine Studies. 28, 167–208.
11. Cloché P. 1925: Les procès des stratèges athéniens // Revue des Études Anciennes. 27, 97–118.
12. Dübner F. 1879: Epigrammatum anthologia Palatina cum planudeis et appendice nova / Com. F. Dübner. I. P.

---

³² Самоубийство (планируемое, спонтанное, совершенное, обсуждаемое и т.д.) так или иначе, присутствует в большинстве сохранившихся трагедий. В шести из семи дошедших до нас пьес Софокла есть, по крайней мере, одно самоубийство и/или угроза (намерение) совершить оное. Подробнее см. Seidensticker 1983, 105–154; Garrison 1991, 20–33.

³³ Например: Garner 1987, 95–130; Hall 1995, 39–58; Ajoatian 2005, 223–225.

³⁴ Некоторые процессы длились годами, к суду привлекались родственники, свидетели, друзья тяжущихся, от основной тяжбы отпочковывались «дочерние» дела и т.д.

³⁵ Кудрявцева 2009, 55–63.

13. *Easterling P.E.* 2008: Tragedy. Sophocles // The Cambridge History of Classical Literature. I. Greek Literature / P.E. Easterling, B.M.W. Knox (eds.). Cambr., 295–316.
14. *Gardiner C.P.* 1979: The Staging of the Death of Ajax // Classical Journal. 75, 10–14.
15. *Garner R.* 1987: Law and Society in Classical Athens. N.Y.
16. *Garrison E.P.* 1991: Attitudes toward Suicide in Ancient Greece // Transactions of the American Philological Association. 121, 1–34.
17. *Gomme A.W.* 1956: A Historical Commentary on Thucydides. II. L.
18. *Grote G.* 1907: A History of Greece. V. L.
19. *Hall E.* 1995: Lawcourt Dramas: The Power of Performance in Greek Forensic Oratory // Bulletin of the Institute of Classical Studies. 40, 39–58.
20. *Hansen M.H.* 1975: Eisangelia. The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B.C. and the Impeachment of Generals and Politicians. Odense.
21. *Hignett C.* 1962: A History of the Athenian Constitution to the End of the 5th Century B.C. Oxf.
22. *Kagan D.* 1974: The Archidamian War. Ithaca, N.
23. *Kitto H. D. F.* 1939: Greek Tragedy: A Literary Study. L.
24. *Knox B.M.W.* 1961: The Ajax of Sophocles // Harvard Studies in Classical Philology. 65, 1–37.
25. *Lenschau Th.* 1942: Paches // RE. XVIII, 2, 2066–2068.
26. *Lipsius J.H.* 1966: Das attische Recht und Rechtsverfahren. Reprint. Hildesheim.
27. *Martin J.* 1995: Von Kleisthenes zu Ephialtes // Demokratia. Der Weg zur Demokratie bei den Griechen / K. Kinzl (Hrsg.). Darmstadt, 160–212.
28. *Meiggs R.* 1972: The Athenian Empire. Oxf.
29. *Ostwald M.* 1986: From Popular Sovereignty to the Sovereignty of Law. Berkeley – Los Angeles.
30. *Roberts J.T.* 1982: Accountability in Athenian Government. Madison.
31. *Sealey R.* 1964: Ephialtes // Classical Philology. 59, 1, 11–22.
32. *Seidensticker B.* 1983: Die Wahl des Todes bei Sophokles // Entretiens sur l'antiquité classique. XXIX, 105–154.
33. *Sommerstein A.H.* 1977: Notes on Aristophanes' *Wasps* // Classical Quarterly. 27, 261–277.
34. *Wallace R.W.* 1989: The Areopagos Council, to 307 B.C. Baltimore.
35. *Westlake H.D.* 1975: Paches // Phoenix. 29, 2, 107–116.
36. *Wilson J.* 1981: Strategy and Tactics in the Mytilene Campaign // Historia. 30. 2, 144–163.

THE *EUTHYNAI* TRIALS IN ATHENS IN THE 5th CENTURY B.C. AND «THE CASE OF PACHES»

T. V. Kudryavtseva

The article explores the *euthynai*, scrutiny trials in Athens (prosecution of an official as a result of the review of his conduct after laying down his office) in the 5th century BC. A detailed survey of the «case of Paches» (427 BC) is presented. Paches' principal actions during his command are considered; various grounds for complaints against the Athenian general and possible accusations against him are discussed; the explanation for the tragic outcome of his trial (the defendant's suicide in court) is suggested. The author supposes that the theatre, Sophocles' tragedy in particular, might have influenced the way Paches committed suicide and the choice of weapon used for it.

Keywords: Athens, scrutiny of the officials, *euthynai*, trials, Peloponnesian War, *strategos*, Paches, suicide, Alcidas, Thucydides, theatre, Ajax.